

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

И.Б. Котеняткина, Я.М. Дружков

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

Данная статья посвящена влиянию народной этимологии на словообразование в испанском языке. Анализ существующих трудов на данную тему, а также словарей и корпусов испанского языка позволяет изменить представление об исследуемом языковом феномене как о неверном этимологическом толковании. Предлагается рассмотреть особенности народной этимологии в испанском языке в рамках словообразования. Знание данных особенностей повышает адекватность различных типов перевода, а также меняет подход в преподавании испанской лексикологии. В статье приводятся аргументы в пользу понимания народной этимологии в контексте этимологии научной как своеобразное исключение из определённых закономерностей эволюции языка. Отмечается необходимость восприятия народной этимологии как одного из основных источников пополнения лексического запаса языка, что в диахронической перспективе открывает экстралингвистические взаимосвязи, способные обеспечить точность перевода, в частности, когда речь идёт о переводах текстов не современного языкового среза.

Ключевые слова: испанский язык, народная этимология, словообразование, лексикология, фонетика, семантика, ономастика, первичное значение, стилистика.

Испанский язык, как и любой другой язык, обладает своим лексическим фондом. Под лексическим фондом понимается «лексическая база языка, наиболее устойчивый пласт его лексики, куда вошли в первую очередь первообразные, наиболее важные и необходимые, прочно вошедшие в жизнь народа и общепотребительные наименования предметов, явлений, процессов, связанных с реальной действительностью» [16].

Как и в любом языке, эта лексическая база постоянно обновляется, пополняется новыми единицами. Процесс обогащения лексического фонда принято называть словообразованием, или словопроизводством [Там же]. Этот процесс неразрывно связан и с этимологией, как с наукой, изучающей происхождение конкретной единицы. Так как пополнение лексического фон-

да является непрерывным процессом, можно говорить об актуальности заданной темы.

Этимология, представляемая в данной статье как объект исследования, является областью языкознания, не имеющей единой и чёткой теоретической базы, в особенности в отношении того, что касается народной этимологии.

Предметом же нашего исследования является народная этимология как источник пополнения лексического запаса испанского языка, что значительно сужает определение, однако не отменяет необходимости описания общих этимологических процессов и механизмов образования новых лексических единиц в определённом промежутке диахронического среза.

Посредством анализа механизмов словообразования в рамках народной этимологии возможен пересмотр подхода к народной этимологии,

как к лингвистическому отклонению. Вместе с этим становятся реальными смена ракурса исследования феномена народной этимологии и подтверждение тезиса о необходимости восприятия народной этимологии не как проблемы, но как существующей реальности, которая сама по себе является вкладом в лексический фонд как испанского, так и любого другого языка.

Для решения поставленных задач мы обратимся к трудам отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Н. В. Крушевский, Р. О. Шор, М. Секо, А. Самбони, К. Балдингер и других.

Изначальный метод древней этимологии был основан на анаграмме (игре слов), поиске похожих слов и связывании их, тем самым заключая в себе означаемое как нечто неразрывно связанное со словом. Один из самых известных примеров – труд Исидора Севильского (около 560-636 гг.), под названием «Этимологии». Данная работа представляет собой энциклопедию, в основе которой лежит этимология, понимаемая автором как толкование сущности слова или имени посредством его происхождения [3, с. 263].

Упоминается этимология и в ещё более ранних источниках, о которых упоминает и сам Исидор Севильский (напр.: «*Hanc Aristóteles symbolon, Cicero adnotationem nominavit, quia nomina et verba rerum nota facit exemplo posito; utputa «flumen» quia fluendo crevit, a fluendo dictum»*). Сам Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.) в своём трактате «Academia» (Академия), ссылаясь на древнегреческих философов, отмечает, что «они занимались толкованием слов, то есть объясняли, почему каждая вещь называется именно так. Эту науку они называли этимологией и использовали её результаты как некие символы и знаки вещей, способствующие доказательствам и заключению о том, что они хотели разъяснить» [9, с. 30].

Начиная с XIX века этимология понимается как «история слов», что отделяет её от семантики собственными методами и объектом исследования, основанными в свою очередь на сравнительно-историческом методе. Повлияла на это и теория Ф. де Соссюра о языковом знаке.

Язык для Ф. де Соссюра – это система произвольных знаков, подобная любой другой знаковой системе: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а, следовательно, его можно сравнить с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.п.». Языковой знак, по Ф. де Соссюру, с одной стороны, полно-

стью произволен, а с другой стороны, обязателен для каждого языкового коллектива: «Если по отношению к изображаемой им идее означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, оно навязано». Следующим образом Ф. де Соссюр описывает социальную обусловленность языкового знака: «Языку как бы говорят: «Выбирай!», но добавляют: «Ты выберешь вот этот знак, а не другой» [7, с. 373].

В этом смысле этимология является неотъемлемой составляющей языковой системы, так как поиск исконного означаемого, то есть этимона, а также изучение означающего – её прямая задача.

Вместе с этим, становится невозможным называть этимологическими, в научном смысле этого слова, «Этимологии» Исидора Севильского, так как они, неся прежде всего дидактический характер, представляют свободное толкование лексических единиц. Однако народной этимологией называть труд раннесредневекового учёного так же некорректно, потому что, по его же словам, «Этимология есть происхождение слов, когда сущность слова или имени раскрывается посредством объяснения» (*Etymologia est origo vocabulorum cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur*) [2, с.9].

В современном языкознании этимология – это наука, целью которой является выявление этимона, первоначального значения и формы слова. Рассматривая этимологию самого слова «этимология», (ἐτυμολογία, от ἐτύμον – истина и λόγος – слово, учение) [20], можно сказать, что она является чётким примером естественного стремления человека к истине и поиска этой истины. Однако если этимология основывается в этом поиске на выявленных и проверенных закономерностях фонетических и семантических изменений, представляя исследователю самый объективный результат, то этимология народная, по мнению современных учёных, напротив, определяется спонтанной, субъективной мотивацией, не требующей научного объяснения.

Появление новых лексических единиц чаще всего связано с новыми открытиями, изобретениями, и, в первую очередь, с необходимостью придать новому содержанию определённую языковую форму. Чаще всего эта форма имеет связь с каким-либо уже известным феноменом, и образуется посредством ассоциативной цепочки (*berrojo – cerrojo (от cerrar)*). Однако мотивация образования новых лексических единиц может

различаться в зависимости от рассматриваемого языка.

Эта мотивация в разных языках также напрямую зависит от языковой картины мира, специфичной для каждого языкового общества. Народная этимология также неразрывно связана с языковой картиной мира, однако является более частным случаем, так как включает в себя не только общие культурные черты определённого этноса, но и особенности каждого говорящего.

Термин «народная этимология» появился в научной литературе в начале второй половины девятнадцатого века. Впервые он был упомянут в работе немецкого историка и лингвиста Эрнста Форстеманна (Ernst Förstemann) «Über deutsche volksetymologie» в 1852 году. Целью данного труда было продемонстрировать, что ещё до появления научной этимологии, существовала этимология народная. Подобная этимологическая активность, по мнению автора, заключается в определённых лексических деформациях языка, которые происходят под влиянием ошибочного суждения «народа». Данные суждения, согласно Э. Форстеманну, были попытками поиска изначального этимона. Если же это приводило к изменению формы, то было следствием того, что «народ никогда не останавливается на теории и сразу переходит к практике» [7, с. 3].

В этом смысле с ним соглашается испанский филолог и историк Менендес Пидаль (Menéndez Pidal) в своём пособии по исторической грамматике (*Manual de gramática histórica española*), где целую главу посвящает данной теме: «*el error, la falsa interpretación de los fenómenos lingüísticos, es un importante factor en la evolución del lenguaje*» (Ошибка, неверное толкование лингвистических феноменов, является важным фактором эволюции языка¹) [9, с. 190].

Прежде чем перейти к детальному описанию народной этимологии, рассмотрим, что обозначают составляющие этого термина по отдельности, так как даже на первый взгляд данное понятие объединяет в своём инструментарии несколько различных областей наук.

Если мы обратимся к лингвистическому словарю В.Н. Ярцевой, то обнаружим, что этимологию можно понимать как раздел языкознания, изучающий происхождение слов, само происхождение слова, или же совокупность исследовательских приёмов для раскрытия происхождения слова, и результат этого раскрытия [17, с. 597].

В этом контексте определение «народный» отражает, в первую очередь, «ненаучный» подход в этимологии, предлагая оппозицию «обыватель-лингвист». Таким образом, в науке народная этимология всегда предполагает ошибку, с точки зрения исторической реальности, связанную с недостатком образования, умственных способностей [6, с. 19].

В этой связи парадоксальным является приведение во многих трудах современных лингвистов примеров, утративших свою актуальность. Многие вопросы народной этимологии становятся вопросами языкового изменения, например, преобладания употребления одного варианта слова над другим. Тем не менее, в настоящее время отмечается, что большинство таких примеров не являются показательными, так как «народный» вариант свидетельствует в первую очередь о необразованности говорящего.

Однако только при наличии определения «народный» появляется возможность рассматривать этимологию не только в ретроспективе, уходя в изучение словообразования в прошлом, работая с уже полученным языковым материалом, но и в перспективе развития языка. Поэтому, если речь идёт о народной этимологии, необходимо иметь в виду непрерывность действия этимологического аппарата во времени. Данный факт ещё раз подтверждает основной тезис Ф. де Соссюра о том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [9, с. 34].

Сам учёный признаёт, что, как правило, между означающим и означаемым не существует видимой связи, однако это не исключает «вторичную мотивацию» формы, которая при последующем анализе зачастую приобретает экспликативный характер [11, с. 307]. Поиск же такой видимой связи и ошибочное её определение – одна из основных черт народной этимологии.

Итак, в настоящее время народную этимологию понимают как попытку восстановить связь между означающим и означаемым ненаучным путём, посредством народной этимологии, понимаемой как совокупность ненаучных исследовательских приёмов.

Альберто Самбони (Alberto Zamboni) определяет народную этимологию как феномен, относящийся к говорящему, основывающийся на

¹ Здесь и далее перевод наш. – Я.Д.

схожести формы слова и связывающий одну определённую форму с другой, в отсутствие при этом какой-либо этимологической связи [Ср. 14 с. 146].

Помимо существующего в настоящее время термина, есть ещё ряд других, отражающих более или менее точно описываемый лингвистический феномен: ложная этимология, ассоциативная этимология, вторичная этимология, паретимология, лексическая аналогия. Тем не менее, каждый из этих терминов указывает лишь на частный аспект, входящий в понятие народной этимологии. Так, термин «ложная этимология» указывает в первую очередь на изначально неверный поиск этимона. «Ассоциативная этимология» и «лексическая аналогия» подразумевают участие ассоциативного мышления в этом поиске. «Вторичная этимология» имеет в виду неверное толкование обывателем уже известное происхождение лексической единицы.

Вслед за Хуаном Мануэлем Секо, под термином народная этимология мы будем понимать «обобщённое изменение семантики и формы» [10, с. 21]. Данное определение, по мнению испанского филолога, носит чисто описательный характер и освобождает исследователя от выявления противоречий в уже выдвинутых теориях о народной этимологии. Это позволяет также использовать каждую из этих теорий без ущерба для другой, что значительно расширяет возможности исследования. В своей работе лингвист отмечает, что в современном понимании «народная этимология» содержит две основных идеи. Первая – «альтернативная этимологическая атрибуция» (*la atribución etimológica alternativa*), которая подразумевает, что говорящие, испытывая естественное любопытство к языку, ищут этимологическое объяснение используемой лексической единицы, основывая свои гипотезы на псевдофилологическом размышлении, которому не свойственны ни методы, ни материалы, используемые этимологией «научной». Вторая идея – «параморфическая интерференция» (*interferencia paramórfica*), то есть создание у говорящего ассоциации между лексическими единицами или их частями, независимо от наличия между ними настоящей этимологической связи, или же отсутствия таковой. При этом, вследствие такой ассоциации и смешивании форм, происходит существенное изменение формы лексической единицы или же значения.

Однако такой подход определяет народную этимологию как феномен, имеющий в своём

основании лишь околонучную этимологию, опирающуюся на параморфическую интерференцию как на единственный способ словообразования.

Среди российских лингвистов одним из первых, кто обратил внимание на это языковое явление, стал Н. В. Крушевский. В «Русском филологическом вестнике» (1879 г.) была опубликована его статья «Об «анalogии» и народной этимологии», где учёный раскрывает сущность данного явления в языке и аргументировано доказывает несостоятельность терминов.

«Лингвистов, признающих аналогю и «народную этимологию» и сознательно объясняющих этими факторами явления языка, не особенно много, ещё меньше работ, посвящённых аналогии и народной этимологии», – пишет он [2, с. 111].

Эпитет «народная», по мнению Н. В. Крушевского, не имеет никакого обоснования, так как всякая лексическая единица производится и преобразуется народом. Учёный предлагает называть такие преобразования ассимиляцией, которую определяет как «естественный языковой процесс, состоящий в устранении более слабых элементов в языке и замена их более сильными» [Там же].

Однако подобный подход ограничивает значение исследуемого предмета, так как народная этимология, в понимании западных учёных, может определять как языковой процесс, по версии Н.В. Крушевского, так и результат данного процесса, одновременно с методом этимологического исследования и ошибочным толкованием этимологии.

Тем не менее, с того момента, когда народная этимология начинает считаться объектом лингвистического, а точнее, этимологического исследования, она становится не «неправильной» этимологией, но одним из путей формирования лексического фонда языка.

Однако остаётся не до конца ясным, с какого момента лексическую единицу, преобразованную вследствие народной этимологии, можно считать составляющей лексического фонда языка. В то же время возникают вопросы о необходимости фиксирования таких единиц, так как отражение в словарях используемой и постоянно меняющейся в настоящее время лексики просто невозможно. Вместе с этим невозможен и отказ от постоянного анализа новых и изменённых лексических единиц, так как без такого анализа языковая картина мира будет некорректна, что

может усугубить ситуацию вплоть до языковой катастрофы.

Так или иначе, в словообразующем аспекте народная этимология неразрывно связана с определёнными изменениями на различных уровнях: семантическом, фонологическом, морфологическом и других. В зависимости от того, где происходят эти изменения и чем они мотивированы, можно говорить о классификации соответствующих механизмов появления новой лексической единицы.

Хотя во многих случаях остаётся неясной первопричина произошедшего изменения, можно говорить о преобладании одного или другого источника, спровоцировавшего последующее изменение [22].

Учёный Стивен Ульман (Stephen Ullmann) выделяет 4 типа изменений, которые могут возникнуть под влиянием народной этимологии:

- изменение содержания, но не формы (означаемого, но не означающего);
- изменение формы, но не значения (означающего, но не означаемого);
- изменение формы и значения (означающего и означаемого);
- изменение орфографическое, но не фонетическое.

В то же время, все данные изменения являются следствием одного из факторов, которые мы рассмотрим ниже. Часто, как уже было сказано, невозможно определить какой из факторов послужил причиной для данного изменения. Тем не менее, можно утверждать, что в случае изменения только формы таким фактором является фонетическое искажение. В случае же с изменением одного содержания – потеря первичного значения лексической единицы.

Одновременно с этим любой из представленных С. Ульманом типов изменений, возникающих как следствие народной этимологии, указывает на возможные уровни возникновения последней:

- сообщение адресанта не соответствует норме по своей форме (напр.: употребление *tapar* в значении *tapiar*);
- сообщение адресанта не соответствует норме по содержанию (напр.: употребление *prisión* в значении *presión*);
- сообщение адресанта не соответствует норме по форме и содержанию (напр.: употребление *departamento* в значении *apartamento* и наоборот);
- искажение формы при восприятии сообщения адресатом;

- искажение содержания при восприятии сообщения адресатом;

- искажение формы и содержания при восприятии сообщения адресатом.

Одним из основных источников пополнения лексического фонда испанского языка являются также заимствования, происходившие в истории формирования самого языка и не избежавшие влияния народной этимологии. Это касается, в первую очередь, субстратов пиренейского полуострова, латинского языка и, в частности, латинского культурного суперстрата.

Во-первых, следует отметить фонетическое искажение, причиной которого могут стать различные факторы, из-за которых происходит утрата первичной мотивации, что приводит к новому толкованию лексической единицы: *presión* > *prisión*; *tapar* > *tapiar*; *desnucar* > *desnunciar*; *vacante* > *vagante*.

Несомненно, в данных примерах именно изменение значения играет ключевую роль, однако мы можем говорить о фонетическом искажении как о предпосылке к последующей частичной или полной утрате значения. Условия, создаваемые специфичной для каждого языка артикуляцией, обеспечивают подобные фонетические изменения.

Впрочем есть и такие примеры, при анализе которых сложно предположить фонетическое изменение: *helicóptero* > *alicóptero*; *zanahoria* > *cenahoria*; *girasol* > *mirasol*; *sandalias* > *andalias*.

Здесь вернее будет предположение о потере первичной мотивации лексической единицы как о предпосылке к искажению формы слова, что и оправдывает термин «ассоциативная этимология».

В испанском языке народная этимология проявляется и на уровне фразеологизмов, которые содержат в себе несуществующие имена собственные и топонимы, образованные от близких по аналогии значений лексических единиц, или наоборот; топонимы употребляются в новом значении, что также говорит о расширении лексического запаса языка.

Новые имена собственные появляются или же приобретают новые значения в силу схожести с известными реалиями. Другими словами, некоторые имена собственные (чаще, имена святых), приобретают вторичную мотивацию и двойное содержание посредством изменения на морфологическом уровне.

Más vale Santo Tomás que San Donato: обыгрывается схожая форма имен собственных с глаголами *tomar* (брать) и *donar* (давать).

Ser como San Babilés: наличие двух, следующих друг за другом *b* создаёт ассоциацию с известным выражением *ser bobo* (быть дураком).

Hoy es San Acá y San Allá: наречия *acá* и *allá* (здесь и там, букв.: тут и там) становятся именами собственными, что делает более образным смысл фразы *mucho ir y venir de las gentes*.

Ir a Villavieja – *envejecer* (стареть);

Estar (vivir) en Babia – *ser un babieca o un bobalicón, estar distraído de lo que se trata* (отвлекаться от темы разговора);

Ser el alcalde de Ronquillo – *roncar* (храпеть);

Ser una cosa de Valdivias o del Valdivieso – *ser de balde* (быть бесплатным).

Очевидно, что каждый топоним семантически мотивирован. Другими словами, между означающим и означаемым топонима существует такая же арбитрарная взаимосвязь, что и между другими элементами языка. Только историческая эволюция языка, или смена так называемой «почвы», могут порвать связь между означающим и означаемым, создавая условия для того, чтобы топоним стал лишь идентификационным знаком, лишённым собственного означаемого [16, с. 529]. В связи с тем, что народная этимология является попыткой восстановить связь означаемого с означающим, можно говорить о её непосредственном влиянии на формирование новых топонимов.

Например, *Olmeda de las Fuentes*, известный муниципалитет в Испании в провинции Мадрид, является настоящим названием исторического места, ранее был известен под именем *Olmeda de la Cebolla*. В 1953 году начался процесс смены названия, в конце которого он и приобрёл настоящую форму.

Вероятнее всего, смена названия произошла из-за неверной этимологической интерпретации слова *cebolla*. Сам же топоним приобрёл данную форму посредством адаптации арабского диминутива со значением *гора, ġabal*, таким образом, *ġubaila* – горка, холм. В определённый исторический период в Средние Века, вслед за Реконкистой в XI веке, жители поселения, не зная значение *ġubaila*, произносили топоним как *dzobella* или *chobella*. Затем следовал поиск паронима, которым и стала единица *tseballa*, а в дальнейшем *cebolla* [17]. Из этого можно сделать вывод, что верным топонимом должно было стать *Olmeda del Montecito*, лишённое неверных ассоциаций и подкреплённое, помимо всего прочего, особенностями местности (неподалеку от населённого пункта находится возвышенность).

В случае такого арабского топонима, как *Guarromán* в Хаэне, название не имеет ничего общего с *guarro* (*cerdo*) или же свиноводством. Однако верный этимологический анализ лежит на поверхности: аналогичный корень можно найти в топонимах *Guadalimar*, *Guadalquivir*, где *wad* означает *río* (река). Второй элемент также можно найти в топониме *Guadarromán* (река в Кордове), где *arrumán* – гранат [12].

Также в Андалусии зарегистрировано использование *Aqualmedina* в качестве топонима *Guadalmedina*, и *Aqualporcún* вместо *Guadalporcún*. В данном случае подобное изменение можно назвать противоположным предыдущему, неверному толкованию – гиперкоррекцией, произошедшей вследствие академического давления и проведения постоянной параллели между *wad* и *река, вода* [Там же].

Рассмотрев этимологические механизмы словообразования, можно сделать вывод, что термин «народная этимология» чаще всего подразумевает некий смешанный тип механизмов изменения на различных уровнях. Тем не менее, среди лексических единиц, образованных в следствие народной этимологии, можно выделить слова, образованные и закрепившиеся в лексическом словаре, в связи с чем некоторые из случаев можно назвать продуктивными.

Следствие такого изменения – схожесть лексических единиц как на фонетическом, так и на семантическом уровне. Примером этого явления могут служить единицы, выделенные Менендесом Пидалем и уже ставшие классическими в объяснении феномена народной этимологии: *cementerio*, *cerrojo* и *nigromantia* [18, с. 191].

Словарь Королевской Академии Испанского языка отмечает, что слово *cementerio* пришло в язык из латинского, который, в свою очередь, заимствовал его в греческом [13]. В последнем, *κοιμητήριον*, что значит *спальня, опочивальня*, не имеет ничего общего с *cemento* (цемент). Таким образом, можно утверждать, что фонема *-n-*, отсутствующая в корне слова, является следствием проведения аналогии с *cemento*. Это доказывает тот факт, что в английском языке существует лексическая единица *cemetery*, где данной аналогии не наблюдается.

Cerrojo (засов) происходит от латинского *vericulum* (короткое копье). Согласно установленным закономерностям формирования лексических единиц испанского языка, логично предполагать образование такой формы, как *verrojo*, под влиянием аналогии с глаголом *cerrar* (закры-

вать), что приводит к варианту существующей формы лексической единицы [18, с. 192].

Несомненно, данные примеры не в полной мере являются показательными, так как существуют в лексическом запасе испанского языка целые века. Однако даже в настоящее время народная этимология продолжает пополнять словарь новыми лексическими единицами.

Менендес Пидаль также относит к механизмам словообразования народной этимологии такой феномен, как гиперкоррекция (*ultracorrección*) [Там же, с. 193]. Он объясняет данное явление тем, что в узуальном лексическом запасе могут одновременно находиться правильная и «народная» форма слова (напр.: *albóndigas* > *almóndigas*), что может вызвать определённые трудности у носителей языка, не обладающих достаточной лингвистической компетенцией. Например, такие единицы как *comido*, *comida*, *cansado*, *pasado* и так далее существуют наравне с просторечными единицами *comío*, *comía*, *cansao*, *pasao* и так далее. В таком случае, желая показаться грамотным, использующий просторечные единицы может совершить ошибку, разделяя конечные гласные согласным [d] (например, вместо слов *mío*, *tardío*, *correo*, *Bilbao* говорить *mido*, *tardido*, *corredo*, *Bilbado*).

Известны также случаи использования народной этимологии в качестве создания определённого художественного образа. Так, в романе Мигеля де Сервантеса народная этимология и её механизмы становятся одним из ключевых приёмов иронии.

Лео Шпитцер (Leo Spitzer), известный австрийский лингвист, посвятил целую статью под названием «Лингвистический перспективизм в Дон Кихоте» (*Perspectivismo lingüístico en el Quijote*) анализу народной этимологии в «Дон Кихоте». Он отмечает различные механизмы народной этимологии, которые были воссозданы Сервантесом для создания нужного ему эффекта. Так, в тех диалогах, где Дон Кихот прерывает Санчо Панса или других персонажей, чтобы исправить их, Сервантес, по мнению австрийского ученого, прибегает к этимологическим дублетам.

При этом невозможно не обратить внимание на работу переводчика, задача которого усложняется поиском аналогичных дублетов в русском языке. В связи с этим рассмотрим отрывки из произведения «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский» в оригинале [14] с переводом Н.М. Любимова [4, 5]: *cris* > *eclipse* (I часть, 12

глава). «*Principalmente decían que sabía la ciencia de las estrellas, y de lo que pasaban allá en el cielo el sol y la luna, porque puntualmente nos decía el cris del sol y de la luna. Eclipse se llama, amigo, que no cris, el escurecerse esos dos luminares mayores, dijo Don Quijote*» (Говорят, он лучше всего знал науку о звёздах, знал, что там на небе делают солнце и луна: ведь он нам точно предсказывал солнечные и лунные **смятения**. Потемнение этих двух великих светил именуется **затмением**, а не **смятением**, друг мой, – поправил его Дон Кихот); *estil* > *estéril* (I часть, 12 глава). «(...) *asimesmo adivinaba cuando había de ser el año abundante o estil. Estéril queréis decir, amigo, dijo Don Quijote. Estéril, o estil, respondió Pedro, todo se sale allá*». (Ещё он угадывал, какой будет год: **недородный** или дородный. Ты хочешь сказать – **урожайный** или неурожайный, друг мой, – заметил Дон Кихот. **Дородный** или **урожайный** – это что в лоб, что по лбу, – возразил Педро).

Народная этимология в произведении Сервантеса играет важную роль в создании образа персонажа. «Санчо увеличивает количество слов, так как весь его словарный запас сохраняет лишь приближённые варианты реальных единиц. Эти слова постоянно меняются, потому что Санчо не в состоянии запомнить их. Санчо впадает в то, что лингвисты называют **народной этимологией**, то есть, изменяет слова согласно возникающим у него в голове ассоциациям» [21].

Таким образом, народная этимология, используемая как стилистический приём, также свидетельствует о пополнении лексического фонда, однако лишь в рамках определённого литературного произведения.

Толкование, процесс образования и само образование новых лексических единиц, выходящие за рамки общеизвестных закономерностей испанского словообразования, настолько велико, что имеет смысл рассматривать народную этимологию как данность и в то же время как исключение из этимологической закономерности вообще. Прежде всего для этого необходимо отойти от понимания народной этимологии как неверной интерпретации значения лексической единицы. В то же время невозможно утверждать, что всякое кажущееся истинным утверждение относительно этимологии является верным. В этой точке заданная тема пересекается с проблемами лингвистического образования, так как отсутствие такового производит огромное количество новых лексических единиц, в частности, в связи со сменой базовых средств коммуникации.

Итак, изменение, происходящее в форме лексической единицы – это, прежде всего, изменение его значения вследствие утраты первичной мотивации. В то же время, как было выяснено нами в ходе анализа, причиной утраты этой мотивации может послужить фонетическое искажение или, собственно, потеря мотивации, возникающие в ходе неверной интерпретации одного из говорящих в контексте заимствованных лексических единиц, экстралингвистического влияния, стилистического приёма.

Народная этимология, как самостоятельное толкование этимологии, понимается нами как необратимое последствие утраты первичной мотивации лексической единицы. Незнание этимологии может привести к кардинальной замене со-

держания, что создаёт определённые трудности в процессе коммуникации, особенно если речь идёт о представителях разных языковых страт.

В контексте стилистики народная этимология также играет немаловажную роль и может использоваться автором текста в качестве основы для построения различных приёмов, в частности, иронии.

В заключение можно отметить, что в исследованиях феномена народной этимологии необходима смена направления в сторону восприятия народной этимологии не как проблемы, но как данности, которая сама по себе является вкладом в лексический фонд как испанского, так и любого другого языка.

Список литературы

1. Варбот Ж. Ж. Этимология // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–647.
2. Крушевский Н. В. Об «аналогии» и «народной этимологии» // Русский филологический вестник № 3. Варшава, 1879. Т. 2. С. 109 – 120.
3. Мареј Е. С. Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium: Взаимосвязь мудрости и красноречия в произведениях Исидора Севильского // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Вып. 1 (45) М., 2013. С. 7 – 19.
4. Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский, часть 1. Перевод Н. Любимов “Художественная литература”, М., 1988 // Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot1.txt>. (Дата обращения: 10.09.2017)
5. Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский, часть 2. Перевод Н. Любимов “Художественная литература” М., 1988. // Режим доступа: <http://www.lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot2.txt>. (Дата обращения: 10.09.2017)
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976. 399 с.
7. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / Русский перевод А. М. Сухотина, 1933. 256 с.
8. Уколова, В. И. Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский // Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М.: Наука, 1989. 320 с.
9. Цицерон М. Т. // Учение академиков / пер. с лат. Н. А. Федорова., М., 2004. 320 с.
10. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл. 2002. 709 с.
11. Baldinger K. La pesadilla de los etimólogos // Revista de Filología Española, vol. XLVIII nº 1/2 (1965). p. 95–104.
12. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana, Editorial Gredos S.A., Madrid, 1987. 628 p.
13. Diccionario de la lengua Española (DLE) Режим доступа: <http://dle.rae.es/>. (Дата обращения: 19.09.2017)
14. Don Quijote de la Mancha // Режим доступа: <http://www.donquijote.org/spanishlanguage/literature/library/quijote/>. (Дата обращения: 15.09.2017).
15. Förstemann E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateneischen, 1852. p. 1–25.
16. Gómez R.C. Toponimia valenciana y etimología popular. Madrid. p. 529 –539.
17. Marín M. Etimologías populares // Режим доступа: https://fmarcosmarin.blogspot.ru/2014/03/etimologias-populares_1.html (Дата обращения: 24.09.2017).
18. Menéndez Pidal R., Manual Gramática Histórica Española, Madrid, Espasa-Calpe, 1985. 367 p.
19. Seco J. M. El iceberg analógico y el concepto de etimología popular, Interlingüística, №. 9, 1998. p. 305–308.
20. Seco J. M. El problema conceptual de la etimología popular: estudio cronológico y análisis de diccionarios especializados en lengua inglesa Madrid, 2007. 443 p.
21. Spitzer L. Perspectivismo lingüístico en el Quijote, en Lingüística e historia literaria, Madrid: Gredos, 1955 (1948). p. 135–187.
22. Ullmann S. Semántica, Madrid, Aguilar, 1967. 33 p.
23. Zamboni A., La etimología, Madrid, Gredos, 1988, p. 146.

Сведения об авторах:

Котеняткина Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Научные и профессиональные интересы: грамматика испанского языка, социолингвистика, гендерная лингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: koteniatkina@gmail.com.

Дружков Яков Михайлович – студент магистратуры кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: этимология испанского языка, грамматика испанского языка, фонетика испанского языка, художественный перевод, философия языка. E-mail: yakovdruzhkov@gmail.com.

FOLK ETYMOLOGY AS A SOURCE OF THE NEW LEXICAL ITEMS IN SPANISH

Irina B. Kotenyatkina, Yakov M. Druzhkov

RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia.

The Abstract: *This article is dedicated to the folk etymology as a source of the new lexical items in Spanish. It changes a typical view on the object that is usually taken as a wrong etymological interpretation. Based on the analysis of scientific works and Spanish language corpora, it drives to understand the folk etymology as a part of morphological derivation. The article presents an altered view on the theoretical foundation of Spanish lexicology. By knowing these features, one could increase the adequacy of different types of translation and alter the approach in teaching Spanish lexicology. The arguments provided by the article are in favor of understanding folk etymology in the context of scientific etymology as a peculiar exception to certain laws of the language's evolution. The need to perceive the folk etymology as one of the main sources of replenishment of the lexical reserve of the language, opens up extralinguistic interrelations that can ensure the accuracy of the translation, especially when it comes to translating texts in the diachronic perspective is pointed out in this article.*

Key Words: *the Spanish language, folk etymology, world-building, lexicology, phonology, semantics, onomastics, primary meaning.*

References

1. Varbot Zh. Zh. Etimologija // Russkij jazyk. Entsiklopedija. [Etymology // Russian language. Encyclopedia] 2-e izd., pererab. i dop. [2nd ed., reworked] M.: Bol'shaia Rossijskaja entsiklopedija; Drofa, 1997. S. 643–647.
2. Krushevskij N.V. Ob «analogii» i «narodnoj etimologii» [On the analogy and folk etymology] // Russkij filologicheskij vestnik № 3. Varshava, 1879. T. 2. S. 109–120.
3. Marei E. S. Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium: Vzaimosvjaz' mudrosti i krasnorechiia v proizvedeniiakh Isidora Sevil'skogo [The interconnection of wisdom and eloquence in Isidore of Seville works] // Vestnik PSTGU I: Bogoslovie. Filosofija. Vyp. 1 (45). M. 2013. S. 7–19.
4. Migel' de Servantes Saavedra. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii, chast' 1. [The Ingenious Nobleman Sir Quixote of La Mancha, pt. 1] Perevod N. Liubimov [Translated from Spanish, N. Liubimov] "Khudozhestvennaja literatura", M. 1988 // Available at: <http://lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot1.txt>. (Accessed 10 September 2017).
5. Migel' de Servantes Saavedra. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii, chast' 2. [The Ingenious Nobleman Sir Quixote of La Mancha, pt. 2] Perevod N. Liubimov [Translated from Spanish, N. Liubimov] "Khudozhestvennaja literatura". M. 1988. // Available at: <http://www.lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot2.txt>. (Accessed 10 September 2017).
6. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. [Dictionary-reference of linguistic terms. 2nd ed.]. M.: Prosveshchenie. 1976. 399 s.
7. Sossiur de F. Kurs obshchei lingvistiki [Course of general linguistics] / Russkij perevod A. M. Sukhotina [Translated from French, A.M. Sukhotina], 1933. 256 s.

8. Ukolova, V. I. Rozhdenie srednevekovogo entsiklopedizma. Isidor Sevil'skii [The origin of medieval encyclopedism. Isidore of Seville] // Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ia (konets V – nachalo VII veka) [ancient heritage and culture of the early Middle Ages (from the Vth to the VIIth century)]. M.: Nauka, 1989. 320 s.
9. Tsitseron M. T. // Uchenie akademikov [The academics' doctrine] / per. s lat. N. A. Fedorova. [Translated from Latin, N. A. Fedorova]. M., 2004. 320s.
10. Iartseva V. N. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd., dop. [Linguistic Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., aug.]. M.: Bol'shaia ros. entsikl. 2002. 709 s.
11. Baldinger K. La pesadilla de los etimólogos // Revista de Filología Española, vol. XLVIII n° 1/2 (1965). p. 95–104.
12. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana, Editorial Gredos S.A., Madrid, 1987. 628 p.
13. Diccionario de la lengua Española (DLE) Available at: <http://dle.rae.es/>. (Accessed 19 September 2017).
14. Don Quijote de la Mancha // Available at: <http://www.donquijote.org/spanishlanguage/literature/library/quijote/>. (Accessed 15 September 2017).
15. Förstemann E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateneischen, 1852. p. 1–25.
16. Gómez R. C. Toponimia valenciana y etimología popular. Madrid. p. 529 –539.
17. Marín M. Etimologías populares // Available at: https://fmarcosmarin.blogspot.ru/2014/03/etimologias-populares_1.html (Accessed 24 September 2017).
18. Menéndez Pidal R., Manual Gramática Histórica Española, Madrid, Espasa-Calpe, 1985. 367 p.
19. Seco J. M. El iceberg analógico y el concepto de etimología popular, Interlingüística, №. 9. 1998. p. 305–308.
20. Seco J. M. El problema conceptual de la etimología popular: estudio cronológico y análisis de diccionarios especializados en lengua inglesa Madrid. 2007. 443 p.
21. Spitzer L. Perspectivismo lingüístico en el Quijote, en Lingüística e historia literaria. Madrid: Gredos. 1955 (1948). p. 135 –187.
22. Ullmann S. Semántica. Madrid. Aguilar. 1967. 33 p.
23. Zamboni A. La etimología. Madrid: Gredos. 1988. p. 146.

About the authors:

Irina B. Kotenyatkina – PhD, Associate Professor of Department of Foreign Languages of the Philological Faculty, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish grammar, Sociolinguistics, Gender linguistics, intercultural communication. E-mail: kotenyatkina@gmail.com.

Yakov M. Druzhkov – MA student of Linguistics of the Philological Faculty, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish etymology, Spanish grammar, Spanish phonology, literary translation, philosophy of language E-mail: yakovdruzhkov@gmail.com.

* * *